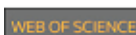

Димитриева О. А. Вербализация вакхических действий в художественном мире Фёдора Абрамова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 39—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53.

Dimitrieva, O. A. (2020). Verbalization of Bacchic Actions in the Artistic World of Fyodor Abramov. *Nauchnyi dialog*, 12: 39-53. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'37:392.86+821.161.1Абрамов.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ВАКХИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ФЁДОРА АБРАМОВА

© Димитриева Ольга Альбертовна (2020), orcid.org/0000-0003-2734-640X, ResearcherID AAZ-3038-2020, SPIN 9686-0190, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков; старший научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогики имени академика РАО Г. Н. Волкова, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (Чебоксары, Россия), olgaal_79@mail.ru.

Рассматриваются особенности вербализации вакхических действий в произведениях Фёдора Абрамова (тетралогии «Братья и сестры», повестях «Пелагея», «Алька», «Мамониха», «Деревянные кони» и рассказах). Анализируются языковые средства индивидуально-авторской интерпретации сферы «Винопитие» как фрагмента семантического поля художественного текста. Исследуется вакхическое действие с точки зрения проявления в нем той или иной семантики культуры (по М. Л. Ковшовой): утилитарной, функциональной, эстетической, социально-иерархической, идейно-духовной. Отмечается, что в художественном мире Абрамова утилитарный и функциональный аспекты в целом соответствуют общекультурным, отраженным в паремиях. Выявлено, что социально-иерархический культурный слой имеет свою специфику, проявляющуюся в двух оппозициях: «деревня — город», «колхозник-крестьянин — сельская интеллигенция». Автор отмечает, что идейно-духовный компонент в осмыслении ситуации винопития связан с выражением авторского отношения, его мировидения сквозь призму мнения персонажа. Сделан вывод о том, что вербализация вакхического действия отличается образной интерпретацией, привлечением компонентов из различных сфер: это использование выражений, содержащих соматизмы, анимализмы, перцептивную лексику, глаголы физического воздействия и др. При анализе социального компонента некоторых вакхических выражений отмечается, что объекты винопития (сосуды) осмысливаются как субъекты межличностных взаимоотношений.

Ключевые слова: Ф. Абрамов; семантика; культура винопития; национальный менталитет; национальный характер; идиостиль; индивидуально-авторская картина мира.

1. Вводные замечания

В современном языкознании актуальными являются исследования, посвященные извлечению индивидуально-авторского облика концепта на фоне универсальных черт, причем не только рассматриваются общетеоретические положения о типах художественного концепта (например, онтологический, гносеологический, аксиологема, «стандартизированные этнокультурно обусловленные интерпретации» [Миллер, 2000; Миллер, 2004, с. 19]), о способах определения и выявления концепта, о его маркерах — высокой семантической плотности, многомерности, цен-

ности, трехкомпонентности и др.) [Карасик, 2005, с. 13—15; Воркачев, 2005], о его репрезентации лексическими средствами (оязыковление) [Болотнова, 2005], но и проводятся исследования эмпирического материала, посвященные описанию концептов БОГАТСТВО, СВОБОДА, ВЕРА, ЧЕСТЬ, ГРЕХ и др. на основе выборки из корпусов или анализа произведений какого-либо автора и выявлению черт его идиостиля (например, [Степанов, 1997; Туктангулова, 2005]).

Данная статья является продолжением серии работ, посвященных исследованию индивидуально-авторской интерпретации ситуации винопития в мире художественного произведения [Димитриева, 2019а, Димитриева, 2019б; Димитриева, 2020]. В литературе второй половины XIX века представление о вакхическом человеке отличается от созданного в литературе XX—XXI веков. Это отчетливо видно на примере женских персонажей: сравним образ Екатерины Масловой (роман «Воскресение» Л. Н. Толстого) и актрисы Любови Онисимовны (рассказ «Тупейный художник» Н. С. Лескова): (1) *В ней [Масловой] шла мучительная работа. То, что ей сказал Нехлюдов, вызывало ее в тот мир, в котором она страдала и из которого она ушла, не поняв и возненавидев его. Она теперь потеряла то забвение, в котором жила, а жить с ясной памятью о том, что было, было слишком мучительно. Вечером она опять купила вина и напилась вместе с своими товарками [Толстой, 1978, с. 173];* (2) *«Не могу, теточка [плакать], — сердце у меня как уголь горит, и истоку нет». А она [Дросида Петровна] говорит: «Ну, значит теперь плакона [с водкой] не миновать». Налила мне из своей бутылочки и говорит: «Прежде я сама тебя до этого не допускала и отговаривала, а теперь делать нечего: облей уголь — пососи» <...> «Дурочка, — говорит, — да кому же сначала хотелось. Ведь оно горе горькое, а яд горевой еще горче, а облить уголь этим ядом — на минуту гаснет. Соси скорее, соси!» [Лесков, т. 7, с. 241].*

В приведенных примерах на первый план выступает душевное состояние героинь, постигшее их горе, эксплицированы внутренние переживания, при которых невозможно жить с ясной памятью (1), плакать, когда *сердце горит* (2). В первом примере вводятся два мира Масловой: *мир, в котором она страдала*, — это ее прошлое — и мир настоящего — забвения. Во втором примере состояние Любови Онисимовны — это переживание *горя горького*, осознание невозможности жить как прежде. Спиртное является средством ухода в другой мир (*купила вина и напилась; облей уголь — пососи*).

Несколько иной женский вакхический образ появляется в XX веке: *Подружками в деревне называли Маню-большую и Маню-маленькую. Две старухи бобылки. Одна медведица, под потолок, — это Маня-маленькая. А другая — ветошная, рвань-старушонка, да, как говорится, себе на уме. Потому и прозвище — большая. К примеру, пенсия. Дождется Маня-большая этого праздника — сперва закупит чаю, сахару, крупы, буханок десять хлеба, а потом уж пропивает что останется. А Маня-маленькая не так. Маня-маленькая, как зубоскалили в деревне, жила одну неделю в месяц — первую неделю после получки пенсии. Тут уж она развертывалась: и день, и ночь шлепала в своих кирзовых сапожищах по улице, да с песнями, от которых стекла лопались в рамах. А потом Мани-маленькой не видно и*

не слышно было три недели. Холодная печь, три котла голодных вокруг да уголь на брус, которым она отмечала на потолке оставшиеся до полочки дни (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 38]. Описывается взгляд со стороны, без эксплицирования причин образа действия и душевного состояния, как образчик постоянной манеры поведения — текущий ход событий (подробнее об образе вакхического человека в прозе Абрамова см. [Димитриева, 2020]).

Материалом для данного исследования послужили художественные произведения Ф. Абрамова, а именно его тетралогия «Братья и сестры» [Абрамов, 2018, 1987], повести «Пелагея», «Алька», «Мамониha», «Деревянные кони» и рассказы, представленные в сборнике [Абрамов, 1985]. В настоящем исследовании вакхическое действие рассматривается с точки зрения семантики культуры, далее — образной его интерпретации и социального компонента некоторых вакхических выражений.

2. Семантика деталей вакхического мира как отражение семантики культуры

За ситуацией винопития стоит семантика культуры, выделение в ней оценочных планов и соотнесение вина в широком смысле со шкалой ценностей. М. Л. Ковшова, говоря о семантике головного убора в культуре, отмечает, что ее составляют: 1) утилитарная семантика, 2) функциональная семантика, 3) социально-иерархическая семантика, 4) эстетическая, 5) духовно-идейная семантика [Ковшова, 2015, с. 24]. Подобные составляющие, на наш взгляд, являются универсальными. Их можно рассмотреть на примере ситуации винопития на лексическом уровне в стереотипах, репрезентированных во фразеологическом и паремиологическом фондах, а также на уровне художественного произведения, в их индивидуально-авторском преломлении.

Приведем иллюстрации к вышесказанному положению: утилитарная семантика (оценка в аспекте пользы) — *Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит*; функциональная семантика (использование в той или иной функции), например, в функции ритуала — *обмыть покупку, выпить на посошок* и т. п.; социально-иерархическая (определяемая социальным статусом участников) — *Для почину выпить по чину; Сапожник накуликался, портной наутюжился, купчик начокался, приказный нахлестался, чиновник нахрюкался, служивый подгулял*; эстетическая — *Где вино, тут и праздничек; духовно-идейный аспект — Пьяного грехи, да трезвого ответ; Надо пить, да правду молотить; Без вина правды не скажешь*. Ясно, что выделенные аспекты могут пересекаться и взаимодополняться.

Что касается художественного мира в произведениях Ф. Абрамова и осмысления в нем вакхической ситуации, то функциональный и утилитарный аспекты совпадают с уже приведенными, а социально-иерархический ракурс имеет свои особенности, связанные с расслоением деревенского сообщества (деревенская интеллигенция и колхозники-крестьяне), с одной стороны, и противопоставлением деревенского мира урбанистическому, с другой:

(1) *Стол ломился от вина и яств. Петр Иванович все рассчитал, все усмотрел. Жена директора школы белого не пьет — пожалуйста шинпанского, Роза*

Митревна. Лет десять, наверно, а то и больше темная бутылка с серебряным горлышком пылилась в лавке на полке — никто не брал, а вот пригодилась: **спотешила себя Роза Митревна, обмочила зубочки крашенные...** (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 44]. Здесь находятся в оппозиции два полюса сельского социума. С одной стороны, изображен деревенский мир колхозника: упоминается общепринятый и общедоступный вид спиртного — *белое* (в значении *водка*); шампанское названо таким способом, как его произносит обычный деревенский житель через «н» — *шинпанское*; описана бутылка (*темная бутылка с серебряным горлышком*); подчеркнута невостребованность этого напитка жителями деревни (*пылилась в лавке на полке*). С другой стороны, сообщается о том, что среди собравшихся за столом присутствует сельская интеллигенция (*жена директора школы*), при этом дама выделяется внешним обликом (*зубочки крашенные*) и манерой питания (*обмочила*).

(2) **Новый год не торопился.** Стрелка на часах — они сонно **потикивали** на дощатой заборке за спиной — никак не могла перевалить за десять. А ведь есть, **есть на земле люди**, думал Михаил, которые сейчас с минуты на минуту **ожидают прихода Нового года**. И сами они такие же **нарядные**, как та елка, которую он видел на днях **на обложке «Огонька»**. И в их **квартирах столы с белыми скатертями, вино, всякая жратва**. И вот они **сядут за эти столы и поднимут бокалы под звон кремлевских курантов...** Дрова **прогорели**. Михаил **помешал кочергой в печке. Подложит еще?** (Братья и сестры. Кн. 2. Две зимы и три лета) [Абрамов, 2018, с. 362—363]. В этом примере содержится своеобразный алгоритм празднования Нового года в городе (*ожидают прихода; столы с белыми скатертями; сядут, поднимут бокалы под звон кремлевских курантов и т. д.*), который развернут на фоне описания отсутствия праздничной атмосферы в доме Пряслиных, недостатка простой еды (*Новый год не торопился; дрова прогорели; Михаил помешал кочергой*). Слова, маркирующие эстетическую оценку (*белая скатерть, бокалы и т. п.*), в рамках антитезы соотносятся со словами, репрезентирующими деревенский быт (*дощатая заборка, кочерга, печка*).

Проявление духовно-идейной семантики предметов винопития или действий в художественном произведении сопряжено непосредственно с персонажем, который является выразителем оценки как собственной, так и авторской: — *Вот и дождался я тебя, Миша, — вдруг заговорил Евсей и, к великому изумлению Егорши, даже открыл глаза. — Все люди бензином да вином пропахли, а от тебя дух травяной, вольный. С поля, видно?* (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 435]. Ольфакторная оценка Миши Пряслина Евсеем Мошкиным является одновременно этической оценкой Михаила, его жизненной позиции и трудовых подвигов.

Приведем еще один пример: *От Альки пришло письмо. Короткое, без объяснений. Как приказ: дом на задворках продать и деньги немедленно выслать ей. За всю жизнь Анисья ни разу не перечила ни Алькиной матери, ни ей самой. Все делала по их первому слову, сама угадывала их желания. А тут уперлась, встала на дыбы: покуда жива, не бывать дому в чужих руках <...> Осенний дождик тихо, как мышь, скребся в окошко за кроватью, железное кольцо чуть слышно позвякивало*

на крыльце... Знала, понимала — не Алька там, ветер. А вот поди ты, в каждый шорох со страхом вслушивалась, ждала: вот-вот откроется дверь и на пороге появится беззаботная, улыбающаяся Алька. — **Тетка, а я ведь нашла покупателя. Ну-ко, собирай скорее на стол, обмоем это дело...** (Алька) [Абрамов, 1985, с. 144]. Образ Анисьи, Алькиной тетки, вырисовывается в двух ракурсах: с одной стороны, с помощью глаголов НСВ, употребленных в аспектуальной ситуации повторяющегося действия, характеризующих привычки, узуальные поступки героини (*не перечила / делала по первому слову / сама угадывала их желания*), с другой — глаголами СВ, выражающими изменение привычного порядка и несогласие Анисьи с продажей племянницей отчего дома (*уперлась / встала на дыбы*). Образ беззаботной Альки в этой сцене, как и в целом во всей повести, часто воссоздается через ее отношение к жизни, способность устраивать застолье для того, чтобы разрешать свои дела. Таким образом, в произведениях Ф. Абрамова вакхическая сфера получает идейно-духовную интерпретацию: автор акцентирует внимание на разных аспектах (текущее действие; узуальное, которое впоследствии может стать этапом, вехой в жизни героя) и соотносит с аксиологической шкалой, при этом эксплицитно или имплицитно выражая свое отношение к действительности.

3. О некоторых «параметрах» вакхического действия или состояния в произведениях Ф. Абрамова

А. В. Петров, исследуя язык произведений Ф. Абрамова, отмечает, что писатель «активно и мастерски использовал в своем творчестве богатство народного языка во всем его разнообразии» [Петров, 2020, с. 53] (см. также [Тарасова, 2019]). Сам Федор Абрамов в одном из своих интервью писал, что разговорная речь «объединяет в себе и коренное старинное слово, и диалектные речения, и фразеологизмы, и жаргонные обороты, и наиболее популярную терминологию, и речь современной литературы, газет, радио, телевидения <...> язык современной деревни — яркий, сочный, забористый и задиристый» [Абрамов, 1986, с. 449].

Рассмотрим на примере вакхических действий разнообразные средства их вербализации в народной речи, воссоздаваемой автором в своих произведениях.

Соматизмы (*нос, горло*) включены в структуру выражений *ульнуть* ('увязнуть' [Подвысоцкий, 1885, с. 178]) *носом в бутылке, прищемить нос, смочить горло, означающих 'выпить': И потребовала от тетки бутылку — нуцай старухи горло смочат* (Алька) [Абрамов, 1985, с. 133]; *И вот этот-то самый нужный человек в колхозе [Вороницын], можно сказать — главная опора председателя, запил <...> Раз бригадир ульнул носом в бутылке, то что же с остальных спрашивать?* (Вокруг да около) [Там же, с. 155]; [Клавдий] — *Полинушка, Виктор! Вы не ругайте меня, ну? Я маленько нос прищемил... Понимаете, ха-ха? <...> Виктор удушливо закашлял, натужно задышал. Клавдий Иванович вмиг отрезвел* (Мамониха) [Там же, с. 257].

Автор употребляет выражения с анимализмами (*зеленый змий; под мухой*): — *Парень у меня погибает... <...> Змий этот зеленый сосет, вот что...* (Пелагея) [Там же, с. 91]; *Такие, такие у меня дети. А отца ни во что не ставят. Да тот*

и сам не больно их сторожит. Придет домой **под мухой**: «Ребята, давайте шалить» (За мужика в доме) [Там же, с. 352]. Первое выражение свидетельствует о постоянной привычке героя, второе — о временном состоянии. Следует отметить, что В. В. Виноградов писал о выражении *под мухой*, что оно метафорически переосмыслено применительно к пьяному человеку, «заимствовано из терминологии картежной игры *в муху* <...> и собственно обозначало ‘с выигрышем, с удачей, с победой’ [Виноградов, 1968, с. 88].

Наименования частей одежды (меронимы *воротник*, *пояс*) выступили материалом для образования выражений *закладывать за воротник* (характеристика привычек героя) и *опоясать стакан* (как описание действия, текущего хода дел): *А потом, когда [Анисья] опоясала с горя второй стакан, и семгу бросила на по траву...* (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 41]; *Серезжа нравился Пелагее — простой, бесхитростный, — и она не ради Петра Ивановича, а ради самого Серезжи стала вразумлять его: нехорошо, мол, Сергей Петрович, так за воротник закладывать, рано тебе еще с бутылкой дружить...* (Пелагея) [Там же, с. 86].

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ характеристики вакхического действия часто связываются с визуальным восприятием, которое переосмысливается как регулярное употребление спиртного (*глядеть / заглядывать в бутылку*): — *Пошли с женой в Русский музей на выставку. Картины смотреть. Суббота — делать нечего, не все же на бутылку глядеть* (Редкое единогласие) [Там же, с. 363]; *И вот, смотрю, у меня Лидия Павловна уж в бутылку заглядывать стала да курить почала, худым словом кидаться...* (Мамониha) [Там же, с. 256]; *И я поклялся про себя еще в детстве никогда в бутылку не заглядывать* (Обет) [Там же, с. 333].

Глаголы с семантикой Физического воздействия, такие как *опрокинуть, раздавить, рвануть, расправиться, заправляться, потягивать, жახнуть, добавить*, метафорически переосмысленные в ситуации винопития, как правило, характеризуют конкретные действия и имеют значение ‘выпить’ (не обозначают состояние).

КАЧЕСТВЕННАЯ сторона действия отражается в глаголах и глагольных выражениях, для которых мотивационными признаками являются следующие: «пустой» (*опорожнить, опустошить, опростать*), «сухой» (*осушить, засушить, просыхать, вставить на просушку, спрыснуть засуху, томиться от засухи, насухо*), «теплый» (*отогреться, согреть* и производная номинация *зайцы-сугревники*). Рассмотрим следующий пример: *Больше всех праздников любила она [Пелагея] Октябрьскую. Целый день, бывало, с раннего утра звенит радость в ихнем доме. Сперва сборы на демонстрацию Павла да Альки, примерка обнов — это уж обязательно: к каждому празднику обнов! — потом, часов с одиннадцати, когда демонстрация появлялась в ихнем околоте, зайцы-сугревники (так Пелагея про себя называла начальство, которое забежало к ней пропустить рюмочку для тепла): Петр Иванович, председатель сельсовета, колхозный председатель... Да каждый тайком, с оглядом, чтобы разговоров лишних не было. А в избу-то забежали — тоже с потехой. Кто дьячком, кто козой проблеет от порога: «Не согреют ли в этом доме плоть мою промерзшую?»* (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 75]. Образ *зайца-сугревника* включает в себя черты, присущие этому виду животного

в русской культуре, такие как трусость (ср. *дрожит как заяц*, *труслив как заяц*, *заячья душа*), быстрый бег и проворство (ср. *прошмыгнуть как заяц*, *проскочить зайцем*) [Северская, 2008]. Помимо родового наименования, зайцев часто именуют по видовому признаку: *заяц-русак*, *заяц-беляк*. В нашем отрывке гости Пелагеи (*деревенское начальство*) с манерой поведения животного *забегáли* / *забежали* / *тайком* / *с оглядом* и сообразно их цели прихода (*пропустить рюмочку для тепла; не согреют ли...?*) получают наименование *зайцы-сугревники*.

Как видно из примеров, воссоздание образа *винопития* и вакхической деятельности выполняется посредством привлечения компонентов из разных сфер, тем или иным способом связанных с человеком (окружающий мир физической природы, артефактный и психологический).

3. Социальный аспект ситуации *винопития*

Одной из отличительных особенностей представления ситуации винопития в произведениях Ф. Абрамова является ее образная интерпретация, использование широкого спектра возможностей ее репрезентации. Нами ранее уже отмечалось, что спиртное может являться, с одной стороны, визитной карточкой героя, своеобразным индексом его пристрастий (например, персонажи детективов Бориса Акунина [Димитриева, 2019а]), с другой стороны — маркером социального статуса, ранга участника процесса винопития (в повести Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» автор, характеризуя главного героя генерала Ивана Ильича Пралинского, пишет о том, что тот никогда не употреблял водки [Димитриева, 2019б]). Это так называемый внешне обусловленный аспект ситуации, который объясняется экстралингвистическими факторами, такими как исторические и социальные традиции, личные предпочтения, авторские интенции и др. Что касается внутривербальной языковой составляющей и возможности проявления в ней социального аспекта ситуации (прежде всего на лексическом уровне), здесь следует отметить следующие социально обусловленные метафорические модели.

ОБРАЗ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ. Отождествление спиртного и человека, а значит, признание своего рода «личных отношений» с ним, таких как дружба, любовь и т. д. можно проследить в следующих примерах:

(1) *Как-то зимой, недели две спустя после Нового года, к ней зашел Сережа Петра Ивановича — пьяный, еле на ногах стоит. Сережа нравился Пелагее — простой, бесхитростный, — и она не ради Петра Ивановича, а ради самого Сережи стала вразумлять его: нехорошо, мол, Сергей Петрович, так за воротник закладывать, рано тебе еще с бутылкой дружить...* (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 86];

(2) *В тридцатые годы Виталий Витальевич гремел на всю область, в больших мужиках ходил, одно время даже заместителем председателя исполкома был. А потом круто покати́лся вниз. Из-за дружбы с зеленым змием. И сейчас, увидев его в ресторане, Подрезов несколько не удивился* (Братья и сестры. Кн. 3. Пути-перепутья) [Абрамов, 1987, с. 187].

В первом и втором примерах глагол *дружить* и существительное *дружба* употребляются в сочетании с существительным в творительном падеже с пред-

логом *с* в значении совместного осуществления действия, соучастником которого предполагается субъект 2. Номинация субъекта 2 в первом случае представлена наименованием сосуда (*с бутылкой*), который является здесь генерализованным объектом, номинирующим спиртное (осуществляется метонимический перенос по смежности *бутылка — спиртное*). Во втором примере существительное *дружба* сочетается с фразеологизмом *зеленый змий* в значении 'спиртное'. Отметим также, что для русского выражения *дружить с* характерно сочетание с существительным или выражением, которое выделяет какую-либо сущность или свойство человека в отдельную «субстанцию» и подчеркивает при этом связь с ней или, наоборот, ее отсутствие, например, (*не*) *дружить со здоровым смыслом, мозгами* и т. п., то есть *быть здравомыслящим, умным*. В нашем же случае это скорее указание на образ жизни человека и его времяпрепровождение.

Следующая группа высказываний связана с указанием на долговременные отношения. В высказываниях глаголами *жить с (без) — расстаться с* в сочетании с существительными с семантикой объекта винопития маркируются стиль жизни героя, его взаимоотношения с окружающим миром и выделяется ценностный приоритет. Приведем примеры:

— Ну уж это не дело, Сергей Петрович, не дело... Надо жениться. Тогда и *с бутылкой скорее расстанешься*... (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 86]; ...выдала ему, Михаилу (*«А ты чего не отговаривал? Али тоже без рюмки жить не можешь?»*), затем подошла к столу, кивнула: — *Вставай. И Петр Житов — вечная для всех загадка! — встал и, не говоря ни слова, поковылял на выход* (Братя и сестры. Кн. 2. Две зимы и три лета) [Абрамов, 2018, с. 374].

В словарях современного русского языка глагол *расстаться* имеет следующие значения: «с кем-чем. 1. Уйти от кого-чего-н., откуда-н., перестать видеться <...> 2. Лишиться кого-чего-н.» [Ожегов, 1988, с. 542]; «1. С кем и без доп. Разойтись, попрощавшись; 2. С кем. Отпустить от себя, уволить и т. п. кого-л., отказаться от чьих-л. услуг» [СлРЯ, т. 3, с. 666]. Как видно из дефиниций, изначально глагол *расстаться* связывается с одушевленным субъектом, который является участником взаимоотношений.

Что касается глагола *жить*, то среди многих его значений можно выделить те, которые маркируют взаимодействие с окружающим миром, социумом: «Проводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать; с кем. Быть в каких-н. отношениях с кем-н.» [Ожегов, 1988, с. 159].

Оба глагола обозначают действия, которые в той или иной степени соотносятся с одушевленными субъектами.

В приведенных примерах «взаимоотношения» со спиртным (в творительном субъекта *с рюмкой / с бутылкой*) оцениваются говорящими как негативные. В первом случае высказывание носит рекомендательный характер *скорее расстанешься*, во втором — задаваемый риторический вопрос (*Али тоже без рюмки жить не можешь?*) содержит вполне подразумеваемый ответ и усиливает отношение говорящего к осмысливаемой ситуации.

В. В. Сайгин, анализируя концепт ГРЕХ, отмечает, что его одноименный репрезентант «демонстрирует многочисленные рефлексy концептуально-метафо-

рического одушевления», в частности, грех в языке может получать образное воплощение как «живой, активно и целесообразно действующий субъект» [Сайгин, 2019, с. 541]. Нечто подобное происходит и с образом винопития, в частности, его объекты осмысливаются как субъекты межличностных взаимоотношений, причем оцениваемых как нежелательные, используется прием персонификации, иногда даже конструируются черты внешности, например, *зеленые глаза*, или характера (*стерва*). Приведем иллюстрации:

Замечательно, в самую точку сказала Марья Федоровна: одной силой бутылку не сокрушишь. Она сама кого хошь с ног валит. Надо, понимаете ли, культуру двинуть на эту зеленоглазую стерву (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 359];

Петр подошел к левому окошку, у которого в погожие вечера любил посидеть Калина Иванович, уткнулся лбом в холодное стекло, а Михаил смотрел-смотрел прямо перед собой и вдруг потянулся к водке: может, от нее, стервы, полегче станет? (Там же) [Абрамов, 1987, с. 462].

Если выражения типа *дружить с*, *расстаться с*, *жить без* служили для введения высказываний обобщенного плана, характеризующих с позиции внешнего наблюдателя стиль жизни и привычки героя, степень его привязанности и зависимости, то черты внешности и характера, приписанные спиртному, выражают личностное отношение самого говорящего как взгляд изнутри (*может, от нее, стервы, полегче станет?*).

САКРАЛЬНАЯ СФЕРА. Понятия сакральной сферы при переходе в бытовую часто профанизируются, приобретая при этом оценку противоположного полюса. Так, в религиозном дискурсе лексемы *чревоугодничать* и *чревоугодие* имеют негативный оттенок, связываются со смертным грехом и употребляются в высказываниях прохибитивного или рекомендательного характера (*нельзя / не следует чревоугодничать*). В кулинарном дискурсе данные слова вводят, напротив, эстетическую оценку (*чем сегодня будем чревоугодничать?*). Нечто похожее происходит и со словами типа *причастие*, *причащаться / причаститься*. В «Словаре русского языка» дана следующая дефиниция: «1. К чему и чему. Устар. И высок. Сделаться участником чего-л., приобщиться к чему-л. <...> 2. чего и без доп. Церк. Принять причастие, подвергнуться обряду причастия» [СлРЯ, т. 3, с. 456—457].

(1) *Выпили по рюмашечке. «Что, парень? — крякнул от удовольствия Трофим. — Небось как Христос по сердцу прошел? У Трохи не вино — причастье!»* (Братья и сестры. Кн. 1. Братья и сестры) [Абрамов, 2018, с. 207]; (2) *Василий Игнатьевич — это уж на улице, когда машина с доярками за поворотом дороги скрылась, — вынул из кармана трояк, подал Мите: «Бежи-ко к Дуньке за причастием, засушили гостью...»* (Алька) [Абрамов, 1985, с. 133]; (3) *Дяде Котя ни в чем не отказывал. Что сам с семьей ел, то и дяде в чашку. И даже рюмочкой не обносил, ежели когда сам причащался. — Ешь, пей, дядя! Я родню не забываю, — приговаривал всякий раз Котя* (Котина доброта) [Абрамов, 1985, с. 312].

Как видно из примеров, у лексемы *причастие* (ее фонетического варианта *причастье*) и видовой глагольной пары *причаститься / причащаться* исчезает

этическая оценка и появляется положительная (эмоциональная) «бытовая» характеристика. Первое высказывание имеет косвенное отношение к религиозной тематике: выражение *как Христос по сердцу прошел* (такого рода приговаривания используются при застольях в народной культуре) используется для своеобразного перевода области физиологии в сферу эмоциональную и обуславливает появление следующего оценочного суждения *У Трохи не вино — причастье!*, для говорящего являющегося наивысшей похвалой. Второй и третий примеры никак не связаны с сакральной сферой, но рассматриваемые лексемы в целом содержат положительную коннотацию: в примере (2) эксплицируется идея угощения и чествования гостя (*бежи-ко за причастием*), хозяин выражает неудовольствие тем, что гостю не угостили (*засушили гостью*); пример (3) содержит характеристику отношения героя к дяде через посредство зарисовки быта Коти (*Не отказывал... не обносил... Ешь, пей, дядя! Я родню не забываю*). Усилительная частица *даже* в сочетании с существительным *рюмочкой* подчеркивает и выделяет значимость последней составляющей в отношении Коти к родственнику; далее автор использует глагол *причащаться*, имеющий положительную семантику, для выражения ироничной оценки действий Коти. Отметим, что в произведениях XIX века «профанное» употребление лексем *причащаться*, *причастие* не встречается: в романе Толстого «Воскресение», например, в сцене посещения заключенными церкви автор рассуждает о причастии: *После этого священник отдернул занавеску, отворил средние двери и, взяв в руки золоченую чашку, вышел с нею в средние двери и пригласил желающих тоже поест тела и крови Бога, находившихся в чашке* [Толстой, 1978, с. 140—141]. Изменение отношения в литературе XX века связано со сменой идеологии, утверждением в обществе атеистического мировоззрения.

Пространственные отношения. При интерпретации ситуации винопития задеваются статический (глагол *сидеть*, *посидеть*) и динамический (глагол движения *обходить*, *прийти с*, *плясать вокруг*) образы пространства:

(1) *Не нравилась ей [Анфисе] эта дружба Ивана — ни раньше не нравилась, ни теперь. Она еще как-то понимала съездить вместе на рыбалку, при случае **посидеть вдвоем за бутылкой**, а как понять, к примеру, сегодняшний фокус Подрезова? (Братья и сестры. Кн. 3. Пути-перепутья) [Абрамов, 1987, с. 69]; (2) *А кроме того, у тетки всегда люди — не то что у них на задворках. Бабы тащатся из лавки — кому похвастаться покупкой? Тетке. Рабочие на выходной пришли из заречья — где **посидеть за бутылкой**? У тетки (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 38]; (3) — *Михаил заходит сюда? — На глаза Петру попала с детства памятная консервная банка с окурками. — Заходит. Это вот он курил. А иной раз и с **бутылкой посидит**. Немало тут пережито* (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 295]. В первых двух примерах использование статического глагола с семантикой расположения в пространстве *сидеть* в сочетании с предлогом *за* и существительным со значением ‘наименование сосуда’ в творительном падеже (*за рюмкой, за бутылкой*) свидетельствует о деятельности, занятии субъекта действия (ср. *за книгой, за статьей*). В таких примерах часто предполагается множественный субъект (*вдвоем; рабочие*). В примере (3), напротив, предполагается единичный субъект,**

выражение *с бутылкой* употреблено в творительном падеже в значении совместного осуществления действия, одновременно маркируется времяпровождение героя и его одиночество в описываемой ситуации. Интересно, что Ф. М. Достоевский для своих героев маркером состояния одиночества использует предлог *перед*: *Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо перед своею посудинкой, изредка отпивая и поглядывая кругом* [Достоевский, 1993, с. 10].

(4) Но и порядки тоже новые. Бывало, в старенькой колхозной кузне самый-пресамый азарт в это время. Кузнец за ночь силенок поднакопил — просто **пляшет вокруг наковальни**. А нынче **вокруг чего пляшет Зотья? Вокруг бутылки**. Очередную совхозную годовщину справляет (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 404]. Если с помощью выражения *плясать вокруг наковальни* описывается занятость кузнеца, его азартная кипящая работа и центр притяжения — наковальня, то в выражении *плясать вокруг бутылки* акцентирована смена центра действий и, соответственно, занятий нового кузнеца.

Итак, в прозе Ф. Абрамова существительное, называющее сосуд, в сочетании с предлогами *за, с, вокруг* и глаголы расположения в пространстве и движения часто используются для описания пристрастия человека к выпивке.

4. Выводы

Семантика винопития в мире художественного произведения отчасти соотнобразуется с общекультурным пластом языковых образов, отчасти преобразуется автором-творцом. В произведениях Абрамова утилитарный и функциональный аспекты культуры винопития в целом соответствуют общекультурным, отмечаемым в паремиях. Социально-иерархический культурный слой имеет свою специфику, проявляющуюся в противопоставлении деревни и города и расслоении сельской общины на колхозников и сельскую интеллигенцию. Идеино-духовный компонент в семантике винопития может быть выявлен в ходе анализа интерпретаций, вложенных в «уста» персонажа, что получает выражение в выборе писателем тех или иных языковых средств и в модусе высказывания. Для Н. С. Лескова это комический модус высказывания и языковая игра с обозначениями объекта (*разговорец из пузырьчика; безделица; клюко; лампо*) и субъекта винопития (*глас выпивающий*), для Ф. М. Достоевского — прилагательное как способ обозначения состояния (широкий синонимический ряд — *пьяный, пьяненький (пьяненькой), полупьяный, мертво-пьяный, хмельной, (не)тверезый, вакхический* и др.) и разные аффиксы субъективно-эмоциональной оценки, для Л. Н. Толстого — экспликация этической оценки при употреблении стилистически нейтральной лексики, введение слов с семантикой отношения *любить*; оценки *с безнравственными правилами* и др.

В художественном пространстве произведений Ф. Абрамова вербализация вакхического действия отличается образностью, которая обеспечивается привлечением таких средств, как соматизмы, анимализмы, перцептивная лексика, глаголы физического воздействия и др. При анализе социального компонента некоторых вакхических выражений на первый план выходит осмысление человека и объекта

винопития (напитков и сосудов) как субъектов межличностных взаимоотношений (*жить без бутылки / расстаться с бутылкой; посидеть с бутылкой* и др.). Автор вводит одушевленный образ пристрастия к вину (*зеленоглазая; стерва*).

Источники и принятые сокращения

1. *Абрамов Ф. А.* Братья и сестры: роман в 4 книгах / Ф. А. Абрамов. — Москва : Вече, 2018. — Книга первая: Братья и сестры. Книга вторая: Две зимы и три лета. — 512 с.
2. *Абрамов Ф. А.* Братья и сестры: роман в 4 книгах / Ф. А. Абрамов. — Москва : Сов. Россия, 1987. — Книга 3, 4. — 496 с.
3. *Абрамов Ф. А.* Повести и рассказы / Ф. А. Абрамов. — Ленинград : Лениздат, 1985. — 383 с.
4. *Абрамов Ф. А.* Чем живём-кормимся: очерки. Статьи. Воспоминания. Литературные портреты. Заметки. Размышления. Беседы. Интервью. Выступления / Ф. А. Абрамов. — Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1986. — 526 с.
5. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Москва : Славянка, 1993. — 335 с.
6. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений [Электронный ресурс] : в 11 томах / Н. С. Лесков. — Москва : ГИХЛ, 1956—1958. — Режим доступа : <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> (дата обращения: 30.11.2020)
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1988. — 750 с.
8. *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Издание 2-го отд. Императорской АН, 1885. — 208 с.
9. *СлРЯ* — *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Том 3 : П—Р. — 750 с.
10. *Толстой Л. Н.* Воскресение / Л. Н. Толстой. — Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1978. — 464 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотнова Н. С.* Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. — 2005. — № 3 (47). — С. 18—24.
2. *Виноградов В. В.* О серии выражений: муху зашибать, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой / В. В. Виноградов // Русская речь. — 1968. — № 1. — С. 83—90.
3. *Воркачев С. Г.* Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Том 1. — С. 10—13.
4. *Димитриева О. А.* «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) / О. А. Димитриева // Мир русского слова. — 2019б. — № 3. — С. 56—61. — DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056.
5. *Димитриева О. А.* Репрезентация ситуации винопития в художественном мире Федора Абрамова / О. А. Димитриева // Русистика без границ. — 2020. — № 3. — С. 43—50.
6. *Димитриева О. А.* Художественная интерпретация концепта ВИНОПИТИЕ в серии детективных романов Бориса Акунина «Приключения Эраста Фандорина» / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2019а. — № 9. — С. 56—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72.
7. *Карасик В. И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Том 1. — С. 13—15.
8. *Ковшова М. Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с.

9. *Миллер Л. В.* Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: на материале русской литературы : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Л. В. Миллер. — Санкт-Петербург, 2004. — 44 с.
10. *Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. — 2000. — № 4. — С. 39—45.
11. *Петров А. В.* Выразительный потенциал диалектизмов в прозе Федора Абрамова (к 100-летию со дня рождения) / А. В. Петров // Русский язык в школе. — 2020. — № 81 (1). — С. 53—60. — DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60.
12. *Петров А. В.* Родниковое слово Федора Абрамова: к 100-летию со дня рождения Фёдора Александровича Абрамова / А. В. Петров. — Архангельск : КИРА, 2020. — 172 с.
13. *Сайгин В. В.* Мифологизация концепта «грех» как отражение особенностей его репрезентации в русской языковой картине мира / В. В. Сайгин // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 года). — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2019. — С. 540—544.
14. *Северская О. И.* Почему безбилетников называют зайцами [Электронный ресурс] / О. И. Северская // Русский язык. — 2008. — № 14 (566). — Режим доступа : https://rus.lsept.ru/view_article.php?ID=200801413 (дата обращения: 30.11.2020).
15. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки славянской культуры, 1997. — 825 с.
16. *Тарасова Г. И.* Запечатленное слово народа / Г. И. Тарасова // Филология и культура. Philology and Culture. — 2019. — № 3(57). — С. 188—191. — DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-188-191.
17. *Туктангулова Е. В.* Репрезентация художественного концепта «жизнь» в идиостиле Н. А. Заболоцкого (на материале цикла «Городские столбцы») / Е. В. Туктангулова // Вестник Удмуртского университета. — 2005. — № 5 (2). — С. 53—56.

VERBALIZATION OF BACCHIC ACTIONS IN THE ARTISTIC WORLD OF FYODOR ABRAMOV

© **Olga A. Dimitrieva (2020)**, orcid.org/0000-0003-2734-640X, ResearcherID AAZ-3038-2020, SPIN 9686-0190, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Chuvash Languages; senior researcher, Research Institute of Ethnopedagogy named after Academician RAO G. N. Volkov, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University” (Cheboksary, Russia), olgaal_79@mail.ru.

The features of verbalization of Bacchic actions in the works of Fyodor Abramov (tetralogy “Brothers and Sisters”, novels “Pelageya”, “Alka”, “Mamonikha”, “Wooden Horses” and stories) are considered. The linguistic means of the individual author’s interpretation of the “Wine Drinking” sphere as a fragment of the semantic field of a literary text are analyzed. Bacchic action from the point of view of manifestation of one or another cultural semantics in it (according to M. L. Kovshova): utilitarian, functional, aesthetic, social hierarchical, ideological and spiritual is studied. It is noted that in the artistic world of Abramov, the utilitarian and functional aspects generally correspond to the general cultural ones, reflected in the paremias. It was revealed that the social-hierarchical cultural layer has its own specificity, which manifests itself in two oppositions: “village — city”, “collective farmer-peasant — rural intellectuals”. The author notes that the ideological and spiritual component in understanding the situation of wine drinking is associated with the expression of the author’s attitude, his worldview through the prism of the character’s opinion. It is concluded that the verbalization of Bacchic action is distinguished by figurative interpretation, the attraction of components from various spheres: the use of expressions containing somatisms, animalisms, perceptual vocabulary, verbs of physical impact, etc. When analyzing the social component of some Bacchic expressions, it is noted that the objects of wine drinking (vessels) are interpreted as subjects of interpersonal relationships.

Key words: F. Abramov; semantics; wine drinking culture; national mentality; national character; idiosyncrasy; individual author's picture of the world.

MATERIAL RESOURCES

- Abramov, F. A. (1985). *Povesti i rasskazy* [Stories and stories]. Leningrad: Lenizdat. 383 p. (In Russ.).
- Abramov, F. A. (1986). *Chem zhivem-kormimsya: ocherki. Statyi. Vospominaniya. Literaturnye portrety. Zametki. Razmyshleniya. Besedy. Intervyu. Vystupleniya* [What we live and feed on: essays. Articles. Memories. Literary portraits. Notes. Reflections. Conversations. Interview. Speeches]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoye otdeleniye. 526 p. (In Russ.).
- Abramov, F. A. (1987). *Bratya i sestry* [Brothers and sisters], 3—4. Moskva: Sov. Rossiya. 496 p. (In Russ.).
- Abramov, F. A. (2018). *Bratya i sestry, 1. Kniga pervaya: Bratya i sestry; 2. Dve zimy i tri leta* [Brothers and sisters, 1. Brothers and Sisters; 2. Two winters and three summers]. Moskva: Veche. 512 p. (In Russ.).
- Dostoevskiy, F. M. (1993). *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Moskva: Slavyanka. 335 p. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1956—1958). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], II. Moskva: GIKhL. Available at: <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> (accessed: 30.11.2020). (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1988). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moskva: Russkiy yazyk. 750 p. (In Russ.).
- Podvysotskiy, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primeneni* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. Sankt-Peterburg: Izdaniye 2-go otd. Imperatorskoy AN. 208 p. (In Russ.).
- SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian]. Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. 3: 750 p. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1978). *Voskreseniye* [Resurrection]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Bolotnova, N. S. (2005). Leksicheskiye sredstva reprezentatsii khudozhestvennykh kontseptov v poeticheskom tekste [Lexical means of representing artistic concepts in a poetic text]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU], 3 (47): 18—24. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2019a). Khudozhestvennaya interpretatsiya kontsepta VINOPITIE v serii detektivnykh romanov Borisa Akunina «Priklyucheniya Erasta Fandorina» [Artistic interpretation of the concept of wine drinking in a series of detective novels by Boris Akunin “The Adventures of Erast Fandorin”]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 9: 56—72. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2019b). «V Rossii pyanyye lyudi u nas samye dobrye...» (Ob obraze pyanogo cheloveka v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo) [“In Russia, drunk people we have the kindest...” (On the image of a drunk man in the works of FM Dostoevsky)]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], 3: 56—61. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2020). Reprezentatsiya situatsii vinopitiya v khudozhestvennom mire Fedora Abramova [Representation of the situation of wine drinking in the artistic world of Fyodor Abramov]. *Rusistika bez granits* [Russistics without borders], 3: 43—50. (In Russ.).

- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2005). Bazovyye kharakteristiki lingvokulturnykh kontseptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts], 1. Volgograd: Paradigma. 13—15. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2015). *Semantika golovnogo ubora v kulture i yazyke. Kostyumnyy kod kulture* [Semantics of a headdress in culture and language. Costume code of culture]. Moskva: Gnozis. 368 p. (In Russ.).
- Miller, L. V. (2000). Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Art concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], 4: 39—45. (In Russ.).
- Miller, L. V. (2004.). *Lingvokognitivnyye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoy kartiny mira: na materiale russkoy literatury: author's abstract of Doct. Diss.* [Linguocognitive mechanisms of the formation of an artistic picture of the world: on the material of Russian literature: author's abstract of Doct. Diss]. Sankt-Peterburg. 44 p. (In Russ.).
- Petrov, A. V. (2020). *Rodnikovoye slovo Fedora Abramova: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Fedora Aleksandrovicha Abramova* [Spring's word of Fyodor Abramov: to the 100th anniversary of the birth of Fyodor Alexandrovich Abramov]. Arkhangelsk: KIRA. 172 p. (In Russ.).
- Petrov, A. V. (2020). Vyrazitelnyy potentsial dialektizmov v proze Fedora Abramova (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [The expressive potential of dialectisms in the prose of Fyodor Abramov (to the 100th anniversary of his birth)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 81 (1): 53—60. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60. (In Russ.).
- Saygin, V. V. (2019). Mifologizatsiya kontsepta «grekh» kak otrazhenie osobennostey ego reprezentatsii v russkoy yazykovoy kartine mira [Mythologization of the concept “sin” as a reflection of the peculiarities of its representation in the Russian linguistic picture of the world]. In: *Russkoye slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYaL (g. Nur-Sultan, Kazakhstan, 29 aprelya — 3 maya 2019 goda)* [Russian word in the multilingual world]. Sankt-Peterburg: MAPRYaL. 540—544. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (2008). Pochemu bezbiletnikov nazyvayut zaytsami [Why free riders are called hares]. *Russkiy yazyk* [Russian language], 14(566). Available at: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200801413 (accessed: 30.11.2020). (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kultury: opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture: research experience]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 825 p. (In Russ.).
- Tarasova, G. I. (2019). Zapechatlennoye slovo naroda [The captured word of the people]. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], 3 (57): 188—191. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-188-191. (In Russ.).
- Tuktangulova, E. V. (2005). Reprezentatsiya khudozhestvennogo kontsepta «zhizn'» v idios-tile N. A. Zabolotskogo (na materiale tsikla «Gorodskie stolbtsy») [Representation of the artistic concept “life” in the idiostyle of N. A. Zabolotsky (based on the cycle “City columns”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 5 (2): 53—56. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1968). O serii vyrazheniy: mukhu zashibat', mukhu zadavit', mukhu razdavit', mukhu ubit', s mukhoy, pod mukhoy [About a series of expressions: hitting a fly, crushing a fly, crushing a fly, killing a fly, with a fly, under a fly]. *Russkaya rech* [Russian speech], 1: 83—90. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2005). Postulaty lingvokontseptologii [Postulates of linguoconceptology]. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts], 1. Volgograd: Paradigma. 10—13. (In Russ.).